

культурные традиции. СПб., 1992. С. 148–164.

Малютин 1863 – *Малютин Ф.* Извлечение из Свода законов Российской империи узаконений, относящихся до духовного ведомства православного исповедания. (Издание 1857 г.). СПб., 1863.

Описание документов 1868 – Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. 1.

Орфинский 1983 – *Орфинский В.П.* Особенности деревянного культового зодчества Карелии // Архитектурное наследство. Вып. 31. М., 1983. С. 17–27.

Орфинский 1992 – *Орфинский В.П.* Народное деревянное культовое зодчество Российского Севера: истоки развития // Народное зодчество: Сб. науч. трудов. Петрозаводск, 1992. С. 32–62.

Панченко 1998 – *Панченко А.А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.

Платонов 1998 – *Платонов В.Г.* Часовня пророка Ильи в деревне Шелтопорог и ее убранство (к вопросу о судьбах художественного наследия Выгоречии) // Народное зодчество: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1998. С. 298–301.

Собрание законов 1830 – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 19.

Собрание постановлений 1881 – Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания. СПб., 1881.

Собрание постановлений 1915 – Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания. Царствование государя императора Николая I. СПб., 1915. Т. 1.

Рыбаков 1988 – *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1988.

Толвуйский приход 1891 – *П.И.П.* Толвуйский приход. Петрозаводск, 1891.

Щепанская 1995 – *Щепанская Т.Б.* Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 110–176.

Устав строительный 1901 – Устав строительный // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М., 1901. Вып. 1. С. 417–425.

Список сокращений

ГААО – Государственный архив Архангельской области.

НАРК – Национальный архив Республики Карелия.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

И.К. ЗАГИДУЛЛИН

(Казань)

МЕЧЕТЬ В РЕЛИГИОЗНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ТАТАРСКОЙ ДЕРЕВНИ ВОЛГО-УРАЛЬЯ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В исламе, как и во всякой религии, важное место отводится ритуалу: ежедневная пятикратная молитва (*намаз*) является одним из пяти его условий.

Слово «*мадсжит*» (*мечеть*) переводится с арабского языка как «место, где совершаются земные поклоны», или молитвенное здание ислама [Ислам 1991, 160]. Общественное богослужение в храме во многом обусловлено обрядом молитвы, который в исламе имеет несколько уровней: ежедневный, пятничный, Фитр (годовой после окончания месяца Рамазан) и Аид (годовой в память жертвоприношения Ибрагим). «Общая молитва, совершаемая человеком, превосходит его молитву дома или на рынке на двадцать пять ступеней по той причине, что если он совершил омовение должным образом, а потом вышел из дома только ради того, чтобы совершить молитву в мечети, то в этом случае за каждый шаг, сделанный им, он обязательно будет возвышаться на одну ступень и с него будет обязательно сниматься одно прегрешение, а когда он приступит к молитве, ангелы не перестанут молиться за него, пока он будет оставаться на месте молитвы» [Уроки молитвы 2002, 18–19]. Эта цитата наглядно показывает побудительные причины совершения мусульманами общественных молитв.

В широком понимании мечетью, по исламу, может стать любое пространство, местность. В конце XVIII – начале XX в. в Волго-Уралье, регионе с умеренным континентальным климатом, среднестатистическая мечеть представляла собой деревянное здание с минаретом или без него, с сенями и одним или двумя залами. По установленным правительством

правилам с 1829 г. они возводились на площади или открытой местности с радиусом 20 саженей (40,26 м). На фоне почерневших от дождя крестьянских усадеб с соломенными крышами общественное здание прихода на каменном фундаменте с железной или тесовой крышей, с минаретом очень часто становилось центром округа, являлось неотъемлемым элементом этноконфессионального ландшафта поселения.

В 1744 г. правительство впервые признало возможность сооружения мечетей в Среднем Поволжье, установив нормой прихода 200 – 300 ревизских душ мужского пола. С учетом малолюдности селений во второй половине XVIII – первой половине XIX в. можно уверенно констатировать, что часть мусульман была приписана к мечети соседнего населенного пункта или тайно содержала в родной деревне молитвенный дом. Во второй половине XIX – начале XX в. вследствие естественного прироста населения и уменьшения норматива численности прихода (с 1887 г. – 200 наличных душ мужского пола) абсолютное большинство татарских деревень, состоящих из 60 – 70 дворов, обзавелось мечетью. В результате каждое сельское общество, как правило, локализовало и поземельную, и религиозную общину [Коблов 1907, 6]. В селениях с 150 дворами действовали по два, в крупных селениях – по несколько храмов.

В повседневной жизни татарской деревни общественная молитва занимала видное место. Не случайно переселенцы на новом месте обитания старались обзавестись общественным зданием или собирались в одном из помещений самостоятельного односельчанина либо руководителя молитвой. По исламу, духовенство не имеет духовного сана. Каждый знающий обряды мусульманин может возглавить общественный намаз.

Независимо от этого в сооружении мечети были кровно заинтересованы жители каждой деревни. В системе исламских институтов российское законодательство отводило ключевую роль культурному зданию. Без получения разрешения на сооружение храма невозможно

было зарегистрировать приход, избрать духовное лицо «при мечети». Правительство признавало производство раздела имущества и наследства мусульман по Шариату; с 1829 г. возложило на приходских духовных лиц ведение метрических записей, означавшее государственную регистрацию актов гражданского состояния (рождение, смерть). Духовенством производились соответствующие церковным ритуалам наречение имени, бракосочетание, развод, погребальный обряд и решались некоторые другие вопросы, входящие в компетенцию администрации. Таким образом, построив мечеть, приход решал ряд проблем, связанных прежде всего с «доставкой» муллы для исполнения одного из вышеперечисленных обрядов. В лице имама мечети этноконфессиональная община приобретала преподавателя конфессиональной школы, устраиваемой в отдельном помещении или в доме духовного лица. Здесь же его жена обучала девочек. Помимо этого духовенство, которое содержалось за счет 1/10 урожая хлебов крестьянских хозяйств, выступало в качестве блюстителя порядка и нравственности в общине и семьях. В духовно-назидательном плане служебные обязанности приходских духовных лиц состояли: «а) в представительстве во время богослужения в мечети; б) в преподавании прихожанам необходимых религиозных познаний; в) в постоянном неустанном произношении прихожанам проповедей о необходимости мира и согласия между всеми мусульманами, произнося таковые проповеди в самых благородных и мягких выражениях; г) в умении ценить религиозное родство мусульман и общечеловеческие права и дорожить ими, равно и в умении склонять к тому же массу населения» [Сборник 1902, 41].

С момента открытия храма размеренная жизнь селения определялась *азаном* – призывом к молитве, произносимым пять раз в день с минарета. (В случае его отсутствия муэдзин или мулла выкрикивал азан с крыши мечети или посреди улицы [Малов 1892, 221]).

В рассматриваемый период в Европейской части России и Сибири мечеть

считалась местом богослужения исключительно мусульман мужского пола (с 15 лет). По нашим сведениям, впервые специальные хоры с отдельным входом для женщин были предусмотрены на втором этаже открывшейся в 1913 г. в Санкт-Петербурге соборной мечети [Загидуллин 2003, 124]. Создание отдельных помещений для женщин предполагало реконструкцию или расширение культового здания, зависело от позиции мужской части населения и духовенства.

В XIX – начале XX в. в ряде селений установился порядок, согласно которому женщины в пятницу собирались в доме муллы, где супруга имама – *абьстай* – читала Коран или какие-либо другие религиозные книги, что заменяло им пятничное богослужение [Коблов 1907, 15; Баруди 1997, 133; Шино 1860, 281–282, 284]. В действительности женщины не нуждались в посещении мечети. По этому поводу весьма показательно высказался в первой четверти XIX в. Карл Фукс: «В то время, когда мужчины отправляют богослужение в мечетях, женщины молятся дома. Пять раз у татар совершаются в мечетях молитвы, и в эти часы, где бы ни была татарка, в гостях за чаем, за завтраком, в лесу, в поле, в незнакомом ей доме, она, ни на что несмотря, всё оставляет, ищет удобное место и совершает свою молитву с таким усердием, что никакой шум не может отвлечь ее от молитвы и заставить оглянуться назад» [Фукс 1991, 49–50, 98].

По исламу, пятничная праздничная молитва должна была совершаться в *миссре* – поселении с атрибутами города. В России статус поселения не влиял на содержание религиозного обряда. Праздничный намаз зависел от звания духовного лица (*хатыпа*), получаемого во время испытания в знании основ ислама в Оренбургском магометанском духовном собрании (г. Уфа).

Жители селений, в которых отсутствовали храмы или действовали пятивременные мечети, вынуждены были ездить на пятничную молитву в соседние *джума* (соборные) мечети. Поэтому уже в общественных приговорах о постройке храма с образованием самостоя-

тельного прихода или о его реконструкции крестьяне вели речь о джума мечети. Во втором случае вопрос решался путем командировки духовного лица на повторный экзамен в религиозное управление для повышения квалификации или приглашением другого кандидата, имеющего звание *хатыпа* (при соборной мечети могли состоять хатып, имам и муэдзин, при пятивременной – имам и муэдзин). После этой процедуры происходило переименование пятивременной мечети в джума мечеть.

Современники выделяли религиозное рвение, стремление татар организовать свою повседневную жизнь по нормам ислама во главе с приходским духовенством. Академик И. Лепехин писал в дневнике путешествия по России в 1768 г. об особенностях повседневного быта мусульман Волго-Уралья: «Всяк, кому в мечеть итти надобно, омывается водою и надевает на себя чисто платье, которое бы никаких пятен, в особливо пивных и винных на себе не имело. Наиболее всего берегутся, чтобы мечетного их платья не обнюхала собака; иначе в таком платье в мечеть ходить за грех считается» [Лепехин 1795, 179–180]. Ему вторил уездный землемер Симбирской губ. Милькович (1783 г.), констатировавший, что никто «от молитвы нарочито не отлынивается, если что-нибудь к тому воспрепятствует, то он молится, по крайней мере, уединенно в доме или в поле, при восходе или захождении солнца; скидывает свои башмаки и становится иногда на застланное по земле свое одеяние. Когда кто молится усердно, обратя лице свое в ту сторону, где Мекка, не из чего молитвы своей не прервет» [Милькович 1905, 466–467].

Пятница являлась праздничным днем для *уммы* (мусульманской общины) – в этот день ключевая роль отводилась общественному богослужению. Шариат рекомендовал правоверным в пятничный день недели по возможности ограничивать трудовую деятельность, сосредоточиться на обучении, на посещении мечети, слушании *хутбы* (проповеди) и др. [Максуди 1989, 73]. После совершения полуденного богослужения, на которое

уходило примерно полчаса, мусульманин мог вернуться к повседневным заботам (главное – не начинать нового дела) или посещал своих родных и близких, приглашал гостей и др. Праздничный намаз являлся *фарыз*'ом, т.е. непрекаемой обязанностью. Если крестьянин несколько раз подряд пропускал пятничную молитву, то он подвергался всеобщему осуждению и не считался истинным мусульманином, низводясь в разряд неверующих, что было равнозначно изолированию от местной общины.

Пятничное утро начиналось с чаепития с оладьями. Перед главным пятничным намазом в полдень необходимо полное омовение. До общественной молитвы стало традицией посещение бани, придание жилищу праздничной атмосферы: уборка помещения, чистка самоваров и др. К слову сказать, время *Сабантуйя* – народного праздника, проводимого перед весенним севом, – также определялось пятничным религиозным ритуалом: состязания непременно начинались после полуденного намаза [Татары 2001, 394].

Пятничная общественная молитва в полдень от аналогичной в пятивременной мечети отличалась тем, что во время богослужения духовное лицо выступало с хутбой. До начала XX в. проповедь произносилась на арабском языке.

В сельской местности годовые религиозные праздники *Фитр* и *Аид* (*Курбан байрам*) становились важными общественно-культурными мероприятиями.

Первому из них предшествовал пост *Рамазан*. Вот как описывал современник отражение этого события зимой 1893 г. (с 27 января по 26 февраля) в повседневной культуре мусульман Малмыжского у. Вятской губ.: «В это время в татарских деревнях царит необыкновенное оживление. Наголодавшись и измучившись жаждою в течение долгого дня, татары тотчас после вечернего намаза садятся всей семьей за стол, утоляют свой разгулявшийся аппетит, затем подается самовар, за которым и проводят чуть ли не целую ночь, собираясь целыми компаниями. Тут поют песни, раздаются бесконечные рассказы и смех. Во всех избах горят огоньки, везде царит ноч-

ное оживление, не свойственное деревням, населенным жителями других национальностей. А тем временем в мечетях до поздней ночи молятся особенно усердные и богомольные старики; в освещенные окна видны силуэты клонящихся степенных фигур...» [Штейнфельд 1893, 272].

Ритуал годовых праздников был единым и заключался в проведении коллективной утренней молитвы (*гает намазы*), в которой принимало участие всё мужское население, в том числе и мальчики. Как правило, идущие в мечеть собирались группами и громко, нараспев произносили *такбир* – формулу возгласания Аллаха. Когда позволяли погодные условия, такие богослужения происходили под открытым небом, недалеко от кладбищ; в непогоду – в мечетях. Жители поздравляли друг друга с праздником, затем шли на кладбище, где каждый совершал намаз возле могил своих близких. Тем временем женщины готовили дома праздничное угощение. К завтраку приступали после возвращения мужчин. В праздничные дни (каждый годовой праздник длился три дня) с поздравлением обходили дома родственников, соседей, по мере возможности каждый старался созвать гостей. В Курбан байрам после праздничного богослужения во дворах в присутствии духовного лица совершалось жертвоприношение (как правило, барана). Мясом жертвенного животного угощали гостей, часть раздавали бедным [Уразманова 2002, 438].

Трудоспособная часть мужчин непременно посещала мечеть в пятницу, отдавая в другие дни, особенно в период сезонных сельскохозяйственных работ, предпочтение домашнему богослужению. Даже во время сенокоса и страды мужчины, как правило, возвращались в деревню, чтобы участвовать в пятничном намазе. В некоторых селениях наблюдались случаи, когда срывалась пятничная молитва из-за отсутствия трех человек молящихся, включая духовное лицо [Штейнфельд 1893, 272, 307]. В обычные дни имаму составляли компанию люди преклонного возраста (*мечет картлары*), отошедшие от производственной деятельности и домашнего хозяйства.

Нередко службу в мечети он совершал в одиночестве [РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 411. Л. 25]. Поэтому правомерно говорить о религиозном собрании в пятницу и годовые праздники.

Российское законодательство не предполагало публичные собрания в сельской местности. Они подменялись сельским сходом, устраиваемым три раза в год по инициативе сельского старосты и по четко определенной повестке обсуждаемых вопросов (кроме собраний по отправлению рекрутской / воинской повинности и раз в три года по выборам в органы самоуправления). Исключения из правила допускались по уважительным причинам непременно с разрешения местной администрации [Общее учреждение 1857, ст. 5001, прим. 1]. В сельском сходе принимали участие только главы семейств поземельной общины, имеющие право голоса. С дозволения общины и администрации в поселениях на постоянное или временное жительство устраивались представители других крестьянских общин и сословий (купцы, мещане, разночинцы и др.), которые, как и мусульманские духовные лица, не имели права участия в сельском сходе — законодательном органе крестьянского самоуправления. Таким образом, по закону не предусматривалась возможность проведения публичных собраний для других категорий сельского населения.

В свете либеральных преобразований при М.Т. Лорис-Меликове правительство серьезно обсуждало реформирование местного самоуправления. Образованная в 1881 г. правительственная комиссия выработала проект бессословного местного самоуправления, согласно которому крестьяне освобождались от административной опеки. Сельское общество должно было объединять всех жителей поселения без различия сословий, все получали одинаковое право участия в местном самоуправлении. За поземельной крестьянской общиной сохранялись исключительно хозяйственные функции без всяких полицейских обязанностей.

В моноконфессиональных селениях, которые у татар составляли большинство, такую функцию успешно исполняло мо-

литвенное собрание. Приход объединял всех жителей независимо от их сословной принадлежности, хотя официально в его состав входили лишь постоянно проживающие. В мечеть же мог прийти всякий желающий. В духовно-административном плане мусульманский приход в значительной степени представлял модель общины, которую предусматривал нереализованный проект М.Т. Лорис-Меликова по созданию полноценного органа управления в сельских поселениях.

Еженедельные собрания позволяли оперативно рассматривать вопросы, не только инициированные духовенством, но и касающиеся других сторон жизнедеятельности поселения и уммы. Обмен мнениями и формирование единого взгляда происходили до или после пятничного богослужения. В условиях, когда каждый крестьянин вел свое хозяйство индивидуально, мечеть становилась центром общественной жизни поселения — местом неформальных общественных собраний, встреч и обмена новостями. Здесь же составлялись имеющие легитимность общественные приговоры о реконструкции действующей или возведении новой мечети вместо обветшалой, выборе нового духовного лица, подаче петиции на имя местного начальства или даже правительства по самым разным вопросам и др. На такое собрание не требовалось специального разрешения администрации, как на созыв сельского схода. Благодаря тому что еженедельно на пятничный намаз приходило всё взрослое мужское население, обеспечивались законность и обязательность принимаемых решений.

Основные проблемы, инициируемые духовенством, четко обозначены в наставлении председателя Оренбургского магометанского духовного собрания Мухаметсафы Баязитова от 1 сентября 1915 г. Муфтий рекомендовал сделать мечети местом поклонения и службы, домами просвещения для прихожан, где они могли приобретать познания и слушать наставления. В обязательном порядке имамы должны были, со ссылкой на Шариат и Коран, внушать умме необходимость:

- исправного содержания мечетей, мектебов и медресе;
  - обеспечения чистоты, порядка и ограждения кладбищ и могил;
  - превращения состоящих при мечетях мектебе и медресе в настоящие дома просвещения и исправления религиозных обрядов подрастающим поколением;
  - постоянного напоминания дозволенных и запрещенных Шариатом деяний;
  - исполнения пяти заповедей ислама (верование в Бога и пророка Мухаммеда, пятикратный намаз, выделение *закята* (налога на имущество и доходы), совершение паломничества и соблюдение поста Рамазан);
  - соблюдения чистоты и опрятности как черт верующего человека;
  - оказания друг другу всесторонней помощи как словом, так и трудом и имуществом;
  - отрешения от лени и приучения к труду и усердию;
  - занятий промыслами и ремеслами;
  - повиновения детей своим родителям;
  - избрания имамами лиц, могущих стать образцом доброты;
  - уважения, почитания и материального обеспечения духовенства с тем, чтобы оно не находилось в нужде и не отвлекалось от своих обязанностей изысканием средств на стороне;
  - оказания всевозможной помощи детям, женам и родителям военнослужащих, находившихся в действующей армии, сиротам и вдовам, нуждающимся в пропитании, а также моления за души погибших в войне за Отечество;
  - совершения «горячих молитв о здравии и благополучии российского государя и всего царствующего дома»;
  - постоянного и искреннего моления в мечетях «о величии и достоинстве Родины нашей – России», дарования нашим воинам победы над врагами;
  - внушения «наставительными поповедями» к верному служению императору и о любви к родине – России [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 608. Л. 75–77].
- С 1744 г. в православных храмах стали оглашать царские манифесты и ука-

зы. Таким путем правительство компенсировало недостаток чиновничьего аппарата, оперативно знакомило население в храме Божьем с общественно-политическими новостями, упреждая различные нежелательные слухи, чреватые порой народными волнениями. В условиях неграмотности основной массы населения это было чуть ли не единственным способом распространения среди российских подданных сведений государственной важности.

После организации в 1788 г. специального правительственного учреждения – Оренбургского магометанского духовного собрания, призванного контролировать духовенство в Европейской части России и Сибири, – действующая модель взаимоотношений власти с православным населением была распространена на умму. Здесь немаловажное значение приобрело незнание значительной частью населения национальной деревни русского языка и отсутствие среди чиновников лиц, владеющих татарским языком. Поэтому через религиозное учреждение правительственные распоряжения и предписания на русском и татарском языках доводились до каждого духовного лица и оглашались на родном языке прихожан в мечетях.

С точки зрения самодержавной власти, главной обязанностью мусульманских духовных лиц являлось воспитание прихожан в верноподданническом духе к российскому престолу. Согласно присылаемому из Министерства внутренних дел списку знаменательных дат, составленному Синодом, в мечетях округа Оренбургского магометанского духовного собрания совершались «возношения в здравии и благоденствии государя императора и августейшего его дома» [Сборник 1902, 123, 124]. Таким путем достигался повсеместный «охват» мусульманского населения в доведении до сознания народных масс идеологических установок государства.

В конце XIX – начале XX в. наряду с православными, католиками, протестантами, евреями мусульмане вовлекались в проведение различных благотворительных акций, среди которых следует особо отметить сборы в пользу пострадав-

ших от неурожая хлебов 1891 г. [РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1086. Л. 57, 58], солдат и их семей, пострадавших в русско-японской [РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1086. Л. 240] и Первой мировой войнах [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 3722. Л. 1], общества Красного Креста [Идрисов и др. 1997, 129] и др.

Помимо этого в исламских храмах с дозволения властей производились сборы средств на сооружение мечетей в соседних поселениях. В случае установления ящика для пожертвований его содержимое предназначалось на нужды местной мечети или школы.

В XIX – начале XX в. разъяснение противохолерных, противочумных правил, убеждение мусульман в оказании содействия санитарно-эпидемиологическим мероприятиям земских учреждений и полиции правительство возложило на приходских духовных лиц, которые в мечетях на родном языке зачитывали предписания администрации, доказывая изречениями из Корана правомерность непопулярных временных мер [Сборник 1902, 25–26, 28–29; Сборник 1905, 46–47].

Таким образом, место мусульманского богослужебного здания в традиционной культуре татарской деревни конца XVIII – начала XX в. определялось усиливающимся влиянием религии в жизни сельского общества, в которой ключевое значение отводилось общественной молитве. Богослужебное здание являлось центром религиозной и социальной жизни этноконфессиональной общины.

Литература

Баруди 1997 – *Баруди Г.* Хатира дафтаре // Казан. 1997. № 12. С. 106–150.

Загидуллин 2003 – *Загидуллин И.К.* Исламские институты в Российской империи. Мусульманская община в Санкт-Петербурге. XVIII – начало XX в. Казань, 2003.

Идрисов и др. 1997 – *Идрисов У.Ю., Сеньюткин С.Б., Сеньюткина О.Н., Гусева Ю.И.* Из истории нижегородских мусульманских общин в XIX – 30-х годах XX века. Н. Новгород, 1997.

Ислам 1991 – Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.

Коблов 1907 – *Коблов Я.* О татарских мусульманских праздниках. Казань, 1907.

Лепехин 1795 – Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. Ч. 1: 1768 и 1769 г. СПб., 1795.

Максуди 1989 – *Максуди Ахмадхади.* Гыйбадат исламия. Казан, 1989.

Малов 1892 – *Малов Е.А.* Миссионерство среди мухаммедан и крещеных татар. Казань, 1892.

Милькович 1905 – Верования и быт татар Симбирской губернии в 1783 г. (Из записок уездного землемера Мильковича) // Известия по Казанской епархии. 1905. №№ 15–16. С. 454–467.

Общее учреждение 1857 – Общее учреждение палаты государственных имуществ // Свод законов Российской империи. 1857 г. Т. II. Ч. 1.

Сборник 1902 – Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1841 – 1901 гг. / Сост. Р. Фахрутдинов. Уфа, 1902.

Сборник 1905 – Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836 – 1903 гг. / Сост. Р. Фахрутдинов. Уфа, 1905.

Татары 2001 – Татары / Отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. М., 2001.

Уразманова 2002 – *Уразманова Р.* Ислам и обрядовая система у татар // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: История и современность. Очерки. Казань, 2002. С. 438–445.

Уроки молитвы 2002 – Уроки молитвы. 3-е изд. / Перевод на рус. яз. В.А. Нирша. Казань, 2002.

Фукс 1991 – *Фукс К.* Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Краткая история Казани. [Репринтное воспр.]. Казань, 1991.

Шино 1860 – *Шино П.А.* Волжские татары // Современник. 1860. Т. 81. С. 255–290.

Штейнфельд 1893 – *Штейнфельд Н.П.* Малмыжские татары, их быт и современное положение // Календарь и памятная книжка Вятской губернии за 1894 год. Вятка, 1893. С. 228–319.

Сокращения

РГИА – Российский государственный исторический архив.

ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан.